

с ударным — *-á* в таких формах, как *темнá*, и потому, несмотря на моторно-акустическое тождество, он все же противопоставляется безударному субституту ударного окончания *-ó* в подобных формах, как *темнó*.³²

Представляется, однако, что в разговорной форме русского языка грамматические различия такого рода *нейтрализуются* вслед за фонетическими: вместо дифференцированных окончаний *-а*, *-о*, появляется недифференцированное омонимическое [*-А*] или [*-ть*]. Доказательством возникающего в этих случаях в сознании «неграмотных» смешения может служить распространенное в акающих говорах явление перехода из среднего рода существительных и прилагательных в женский род («эта окошка»).³³

Таким образом, морфологические различия заударных окончаний *-о*, *-а*, по-видимому, актуализируются с ориентацией на орфографию.

Причину процесса деканонизации точной рифмы Р. Якобсон усматривает «не в смене правил орфоэпии», но прежде всего в факторах грамматических, «в переходе от установки поэтов на грамматическую рифму к антиграмматической ориентации»³⁴ (я предпочел бы старый, более ясный термин: от рифм «грамматически однородных» к рифмам «грамматически разнородным»). Это, конечно, справедливо в том смысле, что объединение в рифме разных заударных гласных всегда предполагает разнородные грамматические окончания. Однако и в рамках традиционной «строгой» рифмовки вполне возможны были рифмы грамматически разнородные. Ср. у Сумарокова: *тело : смело, мода : народа, мало : бывало, могилу : унылу, погоды род пад. : воды мн. ч.* и ряд других. Употребление рифм грамматически однородных (по преимуществу звуковых) и разнородных (по преимуществу смысловых) есть вопрос поэтического стиля, и он перекрещивается с вопросом о фонетической (или орфографической) точности рифмы.

³² Там же, стр. 5—6.

³³ См.: С. П. Обнорский, Именное склонение в современном русском языке, вып. 1. Пгр., 1927, стр. 49—54.

³⁴ Roman Jakobson. Studies in Russian phonology, стр. 1—13.